

Владимир Чистяков

Есть городские скульптуры неудачные, есть комичные, есть такие, которые сами по себе и хороши, да не гармонируют с окрестностью. Над ними можно посмеяться. Или всплакнуть. Но есть скульптуры, ставящие в тупик, над которыми ни смеяться, ни плакать уже не хочется. Они — безусловные достопримечательности, качественно изменившие ландшафт столицы. “МК-Бульвар” выбрал троих ваятелей, чьи одиозные детища вызывали на протяжении последних лет наибольший общественный резонанс, и, бессильный что-либо по их поводу сказать, попросил комментариев у Марата Гельмана — известного московского галериста, успешного бизнесмена от искусства и просто человека хорошего вкуса. Марат сказал, что думает о каждом из них, — и попутно объяснил, почему в Москве плодятся монстры.

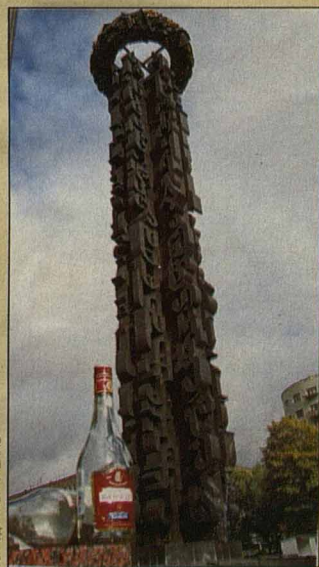

МАЛО НЕ ПОКАЖЕТСЯ

Геннадий Лавренко

ЦЕРЕТЕЛИ Зураб Константинович рожден 4 января 1934 года в Тбилиси в семье главного горного инспектора республик Закавказья. По матери — князь Нижаридзе. В детстве испытал сильное влияние дяди Георгия, живописца. В 1952 году Зураб поступает в Тбилисскую академию художеств, в 1958-м его дипломную картину “Песнь о Грузии” не допустили до защиты, несмотря на одобрительный отзыв Мартироса Сарьяна. За две недели Церетели написал конъюнктурный “Портрет спортсмена”, который и защитил с успехом. В Москве З.Ц. впервые заметили в 1966 году, когда он выставил здесь картину “На страже мира”: дети беззаботно играют в футбол на фоне локаторов ПВО. В 60-е же он обращается к монументальному искусству, делая мозаичные панно. По слухам, уже тогда З.К. владел собственными керамическими заводчиками. Официальным московским скульптором З.К. станет в 1983 году — когда на Тишинской площади появится монумент “Дружба навеки”, посвященный 200-летию Георгиевского трактата и известный как “кукуруза”. В девятые последуют всем известные зоопарк, Поклонная гора, “300 лет Российскому флоту” (он же “Петр I”), Манеж, идея уставить который сказочными зверюшками принадлежала, кстати, вовсе не Зурабу Константиновичу, а Юрию Михайловичу. Все, кому посчастливилось лично общаться с Церетели, в один голос называют его “очень приятным человеком”. “Петр I” до сих пор украшает город исключительно благодаря гуманизму террористической организации “Реввоенсовет”, в 1997 году заминировавшей, но не взорвавшей колосса из жалости к случайным прохожим.

Геннадий Лавренко

МК Б Жовбар — 2001 —
28 сент. — С. 14 — 15.

Реплика ГЕЛЬМАНА:

— Зураб в свое время был действительно талантливым, непафосным художником в керамике. Он же делал себе имя как принципиально неидеологический человек — в то время, когда все делали только идеологическое искусство. У него были интересные декоративные абстрактные панно, эмали, — они не были прибалтийскими, хотя вся страна тогда была завалена прибалтийскими панно. Но, так как он хороший коммерсант, когда появился спрос на идеологию, он обратился к бронзе. Очень пафосный материал. Просто кусок бронзы — и уже сердце стучит по-другому.

Другое дело, что он совершенно не понимает материала. Потратить столько бронзы на Петра и сделать карикатуру! Даже делая декоративные вещи для зоопарка — эти тяжелые, аморфные куски из гранита, — он говорил: "Это как Гауди!" Но у Гауди же был бетон! Значит, он даже не понимал, что каждый материал имеет свои законы.

У Церетели нет своего стиля, потому что он сам ничего не делает. Он создал лабораторию, в которой подмастерья предлагают ему варианты эскизов, а он выбирает один из них и обнародует под своим именем. Поэтому если вы возьмете памятник на Поклонной горе, то это будет увеличенный во сто крат Джакометти, если "Петра I" — то увеличенный грузинский подсвечник, а если стелу, которую он делал вместе с Вознесенским, то это такой послевоенный модернизм, и тоже увеличенный во сто крат. Сам он ничего, кроме размера и веса, не понимает. Была смешная история, когда один критик в Америке сравнивал модели Петра и Колумба и нашел их подозрительно похожими. Церетели обижался. Почему все говорят, что это один и тот же, только с разными головами, как же: вот, у одного руль 2,5 метра, а у другого — 5 м! В случае с Церетели сами размеры памятников разрушают архитектуру города.

